

Об относительной хронологии падения редуцированных, появления нового ятя (/ê/) и /ô/-закрытого в древнерусском языке

Попов Михаил Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург,
Россия

On relative chronology of the fall of jers, rise of new jat' (/ê/) and close-mid /ô/ in Old Russian

Popov Mikhail

Saint Petersburg State University (SPSU), St. Petersburg, Russia

Аннотация

В докладе рассматриваются дискуссионные вопросы относительной и абсолютной хронологии падения редуцированных гласных, появления нового ятя и /ô/-закрытого в южных диалектах древнерусского языка. Не только фонологическая теория, но и материал восточнославянских памятников письменности XII в. подтверждают гипотезу о фонологизации «нового ѣ» и /ô/-закрытого галицко-волынского типа до полной утраты слабого редуцированного в следующем слоге.

Abstract

The paper discusses controversial problems of relative and absolute chronology of the fall of the jers and the rise of the new jat' and close-mid /ô/ in

South Old Russian dialects. Not only the principles of diachronic phonology but the Old Russian written records of the 12th c. corroborate the hypothesis of phonologization of the new jat' and close-mid /ô/ of Galicia-Volhynia type before the complete loss of weak jers in the next syllable.

Ключевые слова: историческая фонология, древнерусский язык, падение редуцированных, новый ять, заместительное удлинение.

Keywords: historical phonology, Old Russian, fall of jers, new jat', compensatory lengthening

1. Падение редуцированных гласных и появление нового ятя (/ê/) и параллельного ему /ô/ (закрытого или узкого) галицко-волынского типа в

южных диалектах древнерусского языка рассматриваются как связанные явления. И новый *ять* и /*ѡ*/ возникали в этих диалектах соответственно из /*ѣ*/ и /*о*/ перед слогом со слабым редуцированным. Различие между новым /*ѣ*/ и /*ѡ*/ состояло в том, что первый совпал с уже существующей фонемой и на письме легко мог быть обозначен буквой *ѣ*, а /*ѡ*/ дало новую фонему, для которой в кириллическом алфавите не было особой буквы и которая редко получала отражение на письме. При этом появление новых /*ѣ*/ и /*ѡ*/ всегда трактуются как одновременные процессы, которые (прежде всего новый *ѣ*) обычно рассматриваются как результат заместительного удлинения гласных /*ѣ*/ и /*о*/ перед выпавшим слабым ером. Эта гипотеза, выдвинутая еще в сер. XIX в. Ф. Миклошичем (Miklosich), была принята А. А. Потебней, А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым и др. Согласно этой гипотезе, до сих пор господствующей в палеорусистике, утратой слабых редуцированных в новых закрытых слогах обусловлено не только заместительное удлинение гласных /*ѣ*/ и /*о*/, но и прояснение сильных редуцированных.

2. Считается, что компенсаторная гипотеза согласуется с данными памятников, прежде всего с орфографией Добролюба ев. 1164 г. (далее – Добр.), которое обычно рассматривают как древнейшую рукопись, последовательно отражающую падение еров и новый *ѣ* (но не /*ѡ*/). Однако некоторые особенности ее орфографии свидетельствуют, что в диалекте его писца процесс утраты слабых еров еще не был полностью завершен. Если вместо сильных еров в разных типах корней, суффиксах и окончаниях писец Добр. в 96–100% случаев пишет

о и *е* (в предложениях и приставках, конечно, меньше – 45%) [Малкова, 1967. С. 3–11], то в слабых позициях процент пропусков еров значительно меньше. В сочетаниях же из 3 и более согласных пропусков слабых еров практически нет (*чьстенъ*, *снѣха*, *дѣскоу*, *възлюбить* и т. п.), хотя еры систематически отсутствуют в группах из двух согласных (*два*, *кто*, *все*, *тъмно*, *възрите* и т. п.). Таким образом, орфография Добр. дает основание предполагать, что в диалекте писца сохранявшиеся в группах согласных слабые /*ѣ*/ и /*ѡ*/ (ср. *дѣска*, *възлюбить* и т. п.) противопоставлены с одной стороны /*ѣ*/ и /*о*/ (ср. *темно*, *возрите*), а с другой – нулю звука, т. е. продолжают функционировать как фонемы. При этом во время прояснения сильных они вели себя как слабые, т. к. перед слогом с таким редуцированным /*ѣ*/ > /*о*/, а /*ѣ*/ > /*ѣ*/: ср. *воскръсе*, *надо двѣри*, *ото плѣти*, *со слѣзами* как *возрѣвъше*, *надо многими*, *ото двою*, *со всѣмъ* и *нѣ кръстиша*, *нѣ чьстуютъ* как *нѣ всегда*, *нѣ чьтѣть* (материал из [Малкова, 1981. С. 105]). Итак, орфография Добр. не вполне согласуется с компенсаторной гипотезой.

3. Компенсаторная гипотеза подвергалась критике прежде всего в теоретическом плане. Было указано, что гласные в закрытых слогах обычно короче, чем в открытых, поэтому, если удлинение и имело место, то оно должно было происходить при сохранении слабых еров в следующем слоге [Томсон, с. 318]. Это интересно в свете орфографии надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г. (далее – Ефр.), где много пропусков слабых еров (*кто*, *кназь*, *въчню*, *спаса*, *црькви*), но нет ни одного случая прояснения сильных (*чьстными*, *чьстною*, *крѣсть*), в т. ч. в корнях

типа *ъгѣт (*дръзнеть, цръкви*). При этом надпись хорошо отражает новый *ѣ* (*камѣные, нѣ изнесѣть, изнесѣть, игоумѣнѣа*). Соответственно ее орфография еще в меньшей степени, чем Добр., согласуется с компенсаторной гипотезой.

С фонологических же позиций критика этой гипотезы содержится в работах Ю. Шевелёва (Shevelov) и П. Гарда (Garde). Альтернативный (и более убедительный) подход исходит из того, что до падения еров /е/ и /ѣ/ различались не количеством, а подъемом, соответственно, /е/ переходил в /ѣ/ в результате сужения, т. е. повышения подъема под влиянием слабого /ь/, который как и /ѣ/ был гласным средневерхнего подъема [Shevelov, с. 329–330]. Гард возражал против такой трактовки, предлагая структурное объяснение. Но каковы бы ни были факторы, вызвавшие изменение /е/, новый ять должен был фонологизоваться до утраты слабого /ь/. Утрата условий, обусловивших аллофонное варьирование, прекращает и само это варьирование, поэтому фонологизация нового ятя и /ѣ/ должна была происходить еще в условиях дополнительной дистрибуции [е]~[ѣ] и [о]~[ѣ].

Аргументом против компенсаторной гипотезы стало открытие Л. А. Булаховского, установившего, что в ю.-в. украинских говорах новый ять, позднее изменившийся в этих говорах в /і/, не развивался перед /ь/ (ср. укр. *клен, мед, рев, тес, трепет* и др.). Его открытие согласуется с данными рукописей, а формы типа *нѣ много*, изредка встречающиеся в памятниках, можно объяснить морфологически.

4. Итак, теоретически нельзя исключать возможность обнаружения памятников, которые, не отражая утраты слабых еров, передавали бы на

письме новые /ѣ/ и /ѣ/. К такому типу приближается Евфр., если считать в ней пропуски слабых еров данью южнославянской традиции. Однако полностью соответствуют предполагаемому типу молитвенные надписи на Суздальском змеевике (далее – СЗ) 2-й четв. XII в. В настоящее время это древнейший памятник с отражением /ѣ/ и /ѣ/ (!) галицко-волинского типа. Как показало исследование графико-орфографической системы СЗ [Гиппиус, Зализняк, с. 550–555], слабые и сильные еры в нем сохраняются (ср. *еѣтъсьскѣе, мирѣные, въ мирѣ, дѣчѣриѣе, сѣнѣ* 2х и др.). При последовательном сохранении еров СЗ обозначает буквами ѣ и ѣ не только /ѣ/ и /ѣ/, но также /е/ и /о/, (*крѣсть* вм. *крѣсте* Зв., *хрѣщѣнии* вм. *хрѣщении, нарѣчѣныма* вм. *нареченыма* Д. дв., *рабѣма* вм. *рабома* Д. дв., *пѣмѣзи* вм. *помози* и др.). Получается, что одной буквой передаются две разные фонемы: ером /ѣ/ и /ѣ/, а ерем – /ѣ/ и /е/. Новый /ѣ/ обозначается буквой ѣ (ср. *въ еѣтъсьскѣе гѣрь* вм. *въ еѣтъсьскѣи горѣ, дѣчѣриѣе* вм. *дѣчерию*), а для передачи нового /ѣ/ используется буква о (*сѣоима* 2х, *отрокъ, гѣорѣиѣе* вм. *георѣиѣю, живѣтъныѣе*).

Таким образом, надписи на СЗ противопоставляют /ѣ/ и /ѣ/, /ѣ/ и /ѣ/, но не различают соответственно /ѣ/ и /ѣ/, и /ѣ/ и /ѣ/. Такая графико-орфографическая система, видимо, сформировалась после фонологизации новых ѣ и о, но до утраты слабых еров и прояснения сильных в /ѣ/ и /ѣ/. Из двух решений – 1) обозначать на письме различие между /ѣ/, /ѣ/ и /ѣ/, ѣ, пожертвовав различием /ѣ/, /ѣ/ и /ѣ/, /ѣ/, или наоборот – 2) сохранить различие /ѣ/, /ѣ/ и /ѣ/, /ѣ/, игнорируя новое противопоставление, – писец в условиях начавшегося падения еров

выбрал первое. На письме передаются только фонологические различия, поэтому СЗ отражает такое состояние звуковой системы галицко-волынского говора, когда латентное фонологическое изменение – в данном случае возникновение новых /ê/ и /ô/ – уже произошло, а его позиционное условие – наличие слабого редуцированного в следующем слоге – еще сохранялось.

Итак, не только фонологическая теория, но и материал восточнославянских памятников письменности XII в. дают основание полагать, что в галицко-волынском диалекте новые /ê/ и /ô/ возникли до утраты слабых редуцированных.

Литература

Гард П. К истории восточнославянских гласных среднего подъема // Вопросы языкознания. № 3. 1974. С. 106–115.

Гиппиус А.А., Зализняк А.А. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования 1997. М.: Индрик, 1998. С. 540–561.

Малкова О.В. О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и в древних славянских языках // Вопросы языкознания. № 1. 1981. С. 98–111.

Малкова О.В. Редуцированные гласные в Добриловом евангелии 1164 года: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. 21 с.

Томсон А.И. О дифтонгизации е, о в украинском языке // Сб. ОРЯС. Т. 110. № 3. Л., 1928. С. 318–322.

Garde P. Le mythe de l'allongement compensatoire en ukrainien // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United

States. Vol. XV. N 39–40. 1981–1983. Pp. 69–81.

Shevelov G.Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg: Winter, 1979. 809 p.

References